

ЗНАМЕНИТЫЙ КАЗАНОВА, ТАК И НЕ СТАВШИЙ ЗНАМЕНИТЫМ УЧЕНЫМ

Николай Александрович Кравцов

Кандидат юридических наук, доцент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: nikikrvtsv@yandex.ru

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-43-93590.

Аннотация. Статья посвящена научным аспектам творчества известного персонажа эпохи Просвещения Джакомо Казановы. Российской публике он известен как авантюрист и создатель скандально известных мемуаров. Прочие сочинения не переведены на русский язык и не изучаются в отечественной науке. В мировом масштабе переводы и переиздания отдельных работ единичны. Современники также не придавали литературному и научному творчеству Казановы значения, но сам он относился к ним весьма серьезно: объем его наследия и разнообразие тематики красноречиво свидетельствуют об этом. Предлагаемая статья призвана помочь преодолеть сложившийся недостаток информации. В статье анализируются политические, правовые, исторические, экономические и этические идеи Казановы. Рассматриваются также вероятные причины, по которым его творчество не получило широкой известности и отклика.

Ключевые слова: Казанова, политика, право, революция, нравственность, история, утопия, монархия, република.

Джакомо Джироламо Казанова, автор «Истории моей жизни», известной нашему читателю в очень сокращенном виде, знаменит как авантюрист и неутомимый любовник. Однако такое восприятие его личности – это стереотип. Казанова – автор более двадцати томов сочинений, научных и художественных.

К сожалению, работ о Казанове немного и они носят преимущественно биографический характер. Порой при упоминании сочинений Казановы авторы путают одни с другими.

Круг интересов Казановы весьма обширен: музыка (он хорошо играл на скрипке), театр, философия, педагогика, языковедение, юриспруденция, политика, медицина (в особенности окулистика), история, теология, экономика, геометрия, астрономия, горное дело, химия и металлургия.

Источники его познаний ясны не полностью. С теологией Казанова, несомненно, познакомился в католическом пансионе. Основам наук и игре на скрипке его обучил аббат Гоцци, в доме которого он проживал некоторое время. Юриспруденции и политической науке он обучился на юридическом факультете Падуанского университета. Как он черпал знания о прочих науках, неизвестно. Возможно, все объясняет его страсть к чтению научной литературы.

На сегодняшний день известны следующие труды Казановы: «Опровержение „Исто-

рии Венецианского государства“ Амело де ла Уссе», итальянский перевод «Илиады» Гомера, «История польской смуты» в трех томах, «Козлиная шерсть. Послание оборотня», «Размышления над “Похвальными письмами г-ну Вольтеру”», «Историко-критическое послание об известном событии, произошедшем от одного малоизвестного обстоятельства», «Систематическое изложение разногласий между двумя Республиками, Венецианской и Голландской» [Casanova 1785], «Ни любви, ни женщин, или Очищенные конюшни», «История моей жизни» в восьми томах, «Дополнение к систематическому изложению разногласий между двумя Республиками, Венецианской и Голландской» [Casanova 1785], «Разговор мыслителя с самим собой», пятитомный утопический роман «Икозаме-рон», «Решение Делосской задачи», «Следствие из удвоения шестигранника», «Геометрическая демонстрация удвоения куба», «Рассуждения о средней продолжительности года, согласно григорианской реформе», трагикомедия «Полемоскоп, или Клевета, присутствием ума разоблаченная», трактат «Леонарду Снетлаге, доктору права Геттингенского университета от Жака Казановы, доктора права Падуанского университета». Надо ли говорить, что ни одно из этих любопытнейших сочинений никогда не переводилось на русский язык и не издавалось у нас?

Российскому читателю известны, как уже было сказано, только сокращенные мему-

ары Казановы. Вместе с тем, если бы до нас не дошли именно мемуары, рассказывающие о скандальных аспектах его личности и биографии, то труды Казановы, читаемые без предвзятости, произвели бы впечатление, что написаны они гуманистом, человеком высоконравственным и религиозным. К тому же нельзя согласиться со Стефаном Цвейгом, обвинявшим Казанову-писателя в легкомыслии и абсолютном дилетантизме.

Несомненно, Казанова не был рабом творчества и слугой вдохновения. Он был одним из тех талантливых лентяев, которые бесконечно зарывают таланты в землю ради простых наслаждений жизни. Итогом его легкомысленной, казалось бы, жизни стало литературное и научное наследие, которое в случае издания полного собрания сочинений могло бы составить два десятка томов. Однако как писатель, поэт, историк, мыслитель Казанова изучен мало и уже по этой причине необычайно интересен.

Прав был Цвейг, сказавший о Казанове:

«Все же какое дарование! В каждом направлении – в науке, искусстве, дипломатии, коммерции – его бы хватило для исключительных достижений. Но Казанова сознательно распыляет свои таланты в мгновениях; и тот, кто мог бы стать всем, предпочитает быть никем, но свободным. Его гораздо больше может осчастливить свобода, несвязанность и легкомысленное шатание, чем какая-нибудь профессия, требующая оседлости. “Мысль

обосноваться где-нибудь всегда была мне чужда, разумный образ жизни противен моей натуре”. Его не привлекает надолго ни хорошо оплачиваемая должность заведующего лотереями его христианнейшего величества, ни профессия фабриканта, ни скрипача, ни писаки; достаточно ему влезть на седло, чтобы сразу же начать тяготиться однообразной рысью коня, и он храбро выскакивает из своего великолепия на большую дорогу и поджидает возможности вновь усесться в карету своего счастья. Он чувствует, что его истинная профессия – не иметь никакой профессии, слегка коснуться всех ремесел и наук и снова, подобно актеру, менять костюмы и роли» [Цвейг: 407–408].

Надо понимать, что подобное отношение к собственным дарованиям – сознательная позиция. Это определенная философия жизни, сомнительная с нравственной и тем более религиозной точки зрения, но заслуживающая того, чтобы воспринимать ее, как она есть. В личности и творчестве Казановы не имеет места аморализм как таковой. Мораль как жизненная и теоретическая проблема не является главным поводом для его рассуждений (по крайней мере, до последнего периода его жизни).

Умирая, великий авантюрист говорил, что «жил как философ». Глубинный («моральный», а вернее – мировоззренческий) смысл мемуаров Казановы состоит именно в раскрытии сущности этой «жизненной философии». Примечательно, что Казанова ни к чему

читателя не призывает и ничему не пытается «научить». В этом принципиальное отличие его воспоминаний от нравоучительных «Исповедей» Руссо или Толстого. Свою «философию жизни» Казанова просто демонстрирует читателю самым увлекательным образом. Казанова дает понять, что жизнь, соответствующая его философии, принципиально возможна. Жизнь, в которой считается неразумным пренебрегать удовольствиями, если сама судьба их посылает. Жизнь, в которой человек одержим не связан каким-либо идеалом или единственной целью. Жизнь, в которой есть понемногу всего – и возвышенного, и низменного. Жизнь, в которой преступно не обмануть глупца, если тот сам желает быть обманутым. Казанова по этому поводу писал: «Я полагаю, в конце концов, что обмануть глупца есть поступок, достойный разумного человека» [Mémoires: 1, 4].

До самого конца Казанова не подстраивал жизнь под какой-либо нравственный или религиозный идеал. Не привязывался он ни к делам, ни к увлечениям, видя в этом проявление подлинной свободы. В его мемуарах читаем:

«Счастливейший из людей, который умеет доставлять себе наивысшую меру счастья, не задевая своего чувства долга, и самый несчастный тот, кто держится за состояние, в котором постоянно находится, с печальной обязанностью быть предусмотрительным» [Mémoires: 3, 2].

Что до смерти, то она была для него не итогом целенаправленной жизни, а особой реальностью, вне контекста пройденного пути. Сначала он этой реальности возжелал было до срока. Затем вызывающе игнорировал, вторично «переживая» все прошлое, во всех волнующих ощущениях и подробностях на страницах «Истории моей жизни». Можно только представить, какое почти мазохистское удовольствие он находил в смешении радости и страдания, когда из-под пера возрождалось минувшее, когда он в бедности, страдая от недугов и немощи, лицом к лицу с презрением малограмотной графской прислуги воскрешал в памяти блестящую, полную событиями жизнь. Потом он смиренно принял смерть, сказав на последнем одре, что «умирает, как христианин».

Будучи современником французских просветителей, Казанова не может считаться ни последователем, ни учеником кого-либо из них. Даже о косвенном влиянии рассуждать было бы весьма затруднительно. Казанова вообще не примкнул к какой-либо политической или философской школе. И тут он предпочел, как и во всем прочем, остаться свободным и независимым.

«Икозамерон».

Утопический проект Казановы

Своим главным сочинением Казанова считал огромный пятитомный роман «Икозамерон» (1788). На русский язык это слово пере-

водится с греческого как «двадцать дней». Полное название романа: «Икозамерон, или История Эдуарда и Элизабет, которые провели двадцать пять лет у Мегамикров, аборигенов Протокосма, что внутри Земли, переведенная с английского Жаком Казановой».

Книга производит двойственное впечатление. С одной стороны, нельзя сказать, что она при чтении вовсе не вызывает интереса. Однако приходится признать, что она чрезмерно длинна и изобилует излишними деталями. Понятна досада Цвейга, который полагал, что нужно ослиное упрямство, чтобы прочесть все пять томов «Икозамерона». И эта растянутость нарочита. Сократи Казанова объем романа вчетверо, сделай он действие более динамичным, «Икозамерон» читался бы увлекательно и, возможно, стал бы действительно популярной книгой, не менее популярной, чем «Путешествия Гулливера» Свифта. Однако Казанова писал роман с претензией на то, что он станет фундаментальным произведением мировой литературы, в котором будет сконцентрирован весь опыт его жизни.

Из амбиции создать «главное и капитальное» вытекало желание Казановы втиснуть в роман многочисленные сюжетные линии, предназначением которых было, главным образом, продемонстрировать читателю глубокую осведомленность автора в самых разнообразных науках – от теологии до химии. Отсюда пространные философские рассу-

ждения, долгие теоретические диалоги, подробности в описаниях, повторяющиеся сюжетные ходы. Удивительно, что в следующем веке именно научные экскурсии, включенные в ткань романа, подарят славу Жюлю Верну. Последний, в отличие от Казановы, правильно их применил. Он понял, что надо излагать сведения популярно, чтобы заинтересовать читателя, в то время как Казанова излагает материал строго научно и, главным образом, для того, чтобы продемонстрировать свои универсальные познания в различных науках.

В романе исключительно важен эпизод, в котором Эдуард соглашается стать правителем вотчины и просит короля дать ему урок правления. Советы короля сводятся к следующему. Править следует так, чтобы быть любимым народом. Править надо для блага государства, а последнее состоит в удовлетворении интересов подданных. Надо творить благодеяния, ибо «за наказанием видится закон, а за благодеянием – суверен» [Casanova 1788: 3, 262]. Надо сохранять привилегии подданных и ограждать их свободу, отменять скверные законы, не наказывать за преступления, сведения о которых добыты незаконным путем. Надо ограничивать жадность богатых и заботиться о бедных. Не стоит быть слишком открытым и доступным для подданных. Главное, чтобы подданные знали, что выгода государства для правителя важнее собственной выгоды. Не нужно ста-

вить экономику в зависимость от добычи золота и прочих ценных металлов. Нужно ориентироваться на коммерцию и производство. Необходимо поощрять импорт: это условие развитого экспорта, а на последнем держится экономика. Король советует дать свободу передвижения и местным, и иностранным коммерсантам. Если основывать экономику на финансовых операциях, это обогащает не государство, а банкиров и разоряет рядовых граждан. Нельзя полагать, будто экономические проблемы сводятся только к финансовому дефициту. Денежная масса как раз накапливается в сундуках богачей, а не движет экономику.

Суверену следует регулярно вводить новшества, несмотря на то, что это сделает недовольными тех, кто злоупотребляет существующим положением вещей. Тратить государственные средства суверен должен не как беззаботный собственник, но как любящий отец.

Эдуард предполагает, что было бы неплохо сделать упор на налогообложение иностранных торговцев. Король возражает, что это приведет к «экономической войне» с другими государствами, которые в свою очередь повысят налоги для «наших» торговцев. Так что экономический эффект от такой меры будет негативным. Нужно расширять объем международной торговли, не стараясь подавить соседние государства экономически. «Неверно, что, делая моего соседа бед-

нее, я становлюсь богаче», – афористично заявляет король [там же: 271]. Суверен должен бороться с контрабандой. Нужно принять меры для того, чтобы богатые граждане предпочитали предметы роскоши местного производства, а не импортные. В некоторых случаях следует оказывать протекцию отечественным товарам, ограничивая импорт зарубежных аналогов. Эти ограничения должны быть обусловлены государственным интересом.

Кажется, наставительная речь короля – это квинтэссенция политических и экономических идеалов самого Казановы. При этом просто удивительно, насколько его экономическая программа актуальна в современных обстоятельствах. В особенности бросается в глаза убежденность Казановы в необходимости перейти от сырьевой к производящей экономике, дать приоритет не финансовому, а производящему сектору. Казанова вообще весьма интересовался экономическими проблемами. Он сумел пополнить государственную казну Франции, организовав лотерею. По финансовым поручениям французского правительства он ездил в Голландию. Добавим и еще один факт, о котором Казанова сообщает в своих воспоминаниях. Он предложил закон, согласно которому принятие наследства не от отца к сыну, а также любой переход имущества между живыми подданными облагается податью в размере годового дохода от этого имущества. Как говорит Ка-

занова, такой закон действительно впоследствии был принят, но никто не верил в то, что именно он был автором этой идеи [Mémoires].

Роман Казановы написан совершенно не в традиции утопизма его времени. Французский утопизм XVIII в. был острым, порой переходящим грань политического радикализма. Это был утопизм общества, «беременного» революцией. У Казановы, как видим, отсутствует пафос коренного преобразования человеческого общества. Утопия Казановы не похожа на пламенную утопию Жана Мелье, который призывал ценой любой степени насилия в отношении правящего сословия построить справедливое общество, в котором не будет неравенства, социального паразитизма, нерасторжимого лицемерного брака, собственности и деспотизма. Никакого сходства нет с утопией Габриэля Бонно де Мабли, мечтавшего построить справедливые государства по образцу платоновской аристократической республики. Роман Казановы, в котором можно увидеть гимн преобразующей силе цивилизации и науки, разительно контрастен и радикальной утопии Леже-Мари Дешана, призывавшей уничтожить все достижения цивилизации. Ничто не напоминает у Казановы механический аккуратизм проекта Морелли, где объединяются идеал патриархального общества и рационализированная модель средневекового цехового производства. С Николая-Эдмом Ретифом де

ля Бретоном Казанову в личном плане роднили скандальная репутация и ложный аристократизм. Но общих черт у «буржуазной» утопии Казановы и «крестьянской» утопии Бретома опять-таки нет и быть по определению не может. Как нет и черт сходства с романтическим социализмом Гракха Бабефа.

Как правило, писатели-утописты либо излагают проект некоего идеального государства, либо строят повествование как рассказ вернувшихся из странствий героев об увиденном идеальном государстве. «Икозамерон», пожалуй, единственное утопическое сочинение, в котором герои не просто изучают быт общества, в котором они очутились. Они максимально деятельны, не ограничиваются созерцанием, а преобразуют это общество, доводя его почти до совершенства. Они не описатели идеала, они главные соучастники его созидания.

В произведении, конечно, усматриваются политические и социальные предпочтения автора. Тут и призыв к построению справедливого общества, и гимн семейной верности, и культ познания и трудолюбия. Здесь пацифизм и гуманизм. Однако в целом социальный посыл романа слаб. В нем нет ведущей политической идеи, которая отличалась бы несомненной оригинальностью. Ни слова о кардинальном переустройстве общества, что как раз и отличало классиков утопизма. Возникает ощущение, что Казанову более волнует представление о мире, в котором он

уютно ощущал бы себя лично, нежели благо человечества. Можно предположить, что Эдуард – это сам Казанова, который в фантазии ставит себя в идеальные условия, в которых, как ему кажется, его таланты нашли бы признание, о чем он, конечно, мечтал всю жизнь. Ему хочется жить в мире, где рядом с ним прекрасная любящая женщина, которая дарит ему многочисленное потомство. В мире, где не угрожает скорое наступление старости. В мире, где все поклоняются его дарованиям до обожествления, где он полностью реализует себя как философ, теолог, политик, химик, астроном, физик, окулист, драматург, музыкант, знаток военного дела. Всего этого он был лишен в действительности, где удерживаться на плаву ему помогали порок и плутни, где финалом стала старость на жалкой должности замкового библиотекаря.

Историческая проблематика сочинений Казановы

Одной из главных сфер применения творческих сил Казановы была история. Книги, посвященные историческим проблемам, – интересная часть его литературного наследия. Основными историческими трудами следует считать трактаты «Опровержение “Истории Венецианского государства” д’Амело де ла Уссе», «Историко-критическое послание об известном событии, произошедшем от одного малоизвестного обстоя-

тельства», «Систематическое изложение разногласий между двумя Республиками, Венецианской и Голландской» вместе с дополнением нему, вышедшим отдельно, а также «История польской смуты». Эти сочинения, несмотря на относительное разнообразие тематики, на несхожесть их структуры, объединяют черты, которые в целом характеризуют особенности подхода Казановы к исторической материи.

Прежде всего, Казанова был принципиальным сторонником объективного подхода к истории, «без гнева и пристрастия». Он подчеркивал, что «историком должен руководить гений истины» [Casanova 1769]. Возможно, именно для истинности и наибольшей убедительности анализа он предпочитал обращаться исключительно к тем историческим событиям, к которым он, прямо или косвенно, имел отношение лично. К примеру, он был в курсе разногласий между голландской и венецианской республиками и смог изучить исторические детали и документы во время деловой поездки в Голландию. Она имела место в то время, когда Казанова занимался организацией во Франции государственной лотереи и был послан в Нидерланды для распространения там облигаций. Что до «Истории польской смуты», то ее замысел возник у Казановы во время пребывания в России. Немаловажно, что последний период этой поездки Казанова провел именно в Польше, причем под свежим еще впечатле-

нием от встреч с участниками описываемых событий – Бироном, императрицей Екатериной Второй, Орловым, Понятовским и другими.

Еще одной характерной чертой исторических трудов Казанова следует считать их удивительную подробность и обстоятельность. Дело в том, что Казанова, в традициях лучших историков, просто не представляет анализа исторического события самого по себе, он всегда устанавливает связь с событиями предшествующими и последующими. История для него не сводится к набору фактов, она строится из их последовательности. Не забудем также и о том, что Казанова всегда настаивал: историческое событие может получить оценку историка исключительно после того, как во всей полноте проявятся его результаты и последствия, то есть после того, как станет ясным собственно историческое значение этого события.

Не забывает Казанова и о пресловутой «роли личности в истории». Если он считает, что некий деятель играл важную роль в описываемых событиях, то читателя ждет подробная личностная и психологическая характеристика этого человека. И чем больше симпатии испытывает Казанова к историческому деятелю, тем более подробным будет анализ его личности.

Как видим, подход Казанова к истории достаточно серьезен и вполне научен. Ни о каком дилетантизме автора здесь говорить не

приходится. Несомненно, что, посвятив Казанова всю жизнь и силы историческим исследованиям, результат такого самозабвенного и методичного труда мог бы стать значительным явлением в мировой исторической науке. Но, как уже было сказано, в научных интересах он был столь же непостоянным, как и в амурных похождениях. Он психологически был неспособен сконцентрировать жизнь и силы на одной ясной и главной цели, не ощущая это личной трагедией, катастрофическим ударом по внутренней и внешней свободе.

Не ставя здесь перед собой цели дать подробный анализ всех исторических трудов Казанова, ограничимся данной выше общей характеристикой. Специально обратим внимание только на один аспект, который, полагаем, прежде всего интересен отечественному читателю. А именно – на отношение Казанова к России. Понятно, что русская тема звучит в «Истории польской смуты».

В целом Казанова ставил современную ему Российскую империю как геополитический феномен высоко. Его поражала скорость развития недавно еще отсталого государства, он восхищался тем, как быстро становится истинно европейской столицей Петербург. При этом ему хватило проницательности для понимания того, что Петербург – не вся Россия и даже не вполне Россия. Сам он предпочитал самобытную красоту Москвы – деревянной, с бесчисленными церквями, ко-

тору мы теперь можем только вообразить себе. Военные, политические и экономические успехи России он не мог, как человек действия, не уважать. Не зря именно Россия оказалась в ряду тех стран, где он искал покровительства властей и поддержки проекта государственной лотереи. Он оценил дерзость территориальных расширений нашего государства, имевших место в прошедшие времена и в современную ему эпоху Екатерины Второй.

Что любопытно, Казанова уже тогда видел в России империю, которая в культурном и политическом плане находится между Европой и Азией. При этом он с некоторой опаской относился к русской экспансии и благодарил Бога за то, что окончательная реализация этого проекта «превосходит человеческие возможности» [Casanova 1774–1775: 29]. Не удивительно ли видеть в Казанове предтечу «евразийства»?

Петра Первого Казанова рассматривает как «творца новой нации» [там же: 187]. Допетровскую Россию (Россию за пределами «новой нации») он не воспринимал и не интересовался ею. Петр Великий был для него не просто крупнейшим реформатором, принципиально обновившим государство. Казанова начинает с него кратчайший список истинно благородных властителей, «блестящих умов» на троне [Casanova 1769].

Власть Екатерины Второй Казанова считал деспотической, хотя в личном плане го-

сударыня произвела на него благоприятное впечатление. При встрече с Екатериной Казанова не нашел ее красивой, но оценил ее стать, обаяние, острый ум и любезность.

Внутренняя и внешняя политика Екатерины Второй оцениваются Казановой неоднозначно. С одной стороны, он признает политический гений правительницы, считает ее просвещенной государыней, хвалит ее реформы и введенные ею мудрые законы. С другой стороны, эти благодеяния не «нейтрализуют» деспотического характера ее правления, поскольку, приняв мудрые законы, она саму себя поставила над законом [Casanova 1774–1775]. Не вызывает симпатий Казановы экспансионистская политика Екатерины и ее готовность решать международные проблемы, главным образом, силой оружия.

В разногласиях между Россией и Польшей его симпатии целиком были на стороне поляков. Впрочем, в этом вопросе стоит учесть некоторые обстоятельства. Совсем незадолго до начала работы над «Историей польской смуты» Казанова был разочарован результатами поездки в Россию и отсутствием интереса императрицы к проекту государственной лотереи. Известно, что в позднем периоде жизни Казанова стал обидчив и злопамятен, так что он мог не простить обиду, нанесенную русской властью, и крушение надежд. Кроме того, Казанове нужно было любой ценой продемонстрировать свободомыслие

и враждебность к любым проявлениям монархического деспотизма в ожидании реабилитации со стороны властей Венецианской республики. Параллели, порой искусственные, между свободолобивой аристократической республикой Венецией и «истинной аристократической республикой» Польшей оказались более чем кстати.

Уточним, основной причиной польской смуты Казанова все-таки считал не политические разногласия, а религиозные – между католицизмом и православием. Учитывая, что ожидаемая реабилитация во многом зависела от венецианской инквизиции, в своем сочинении он не мог не подчеркнуть пафоса мужественной борьбы истинных католиков с «насаждаемым» православием.

Казанова в принципе признавал, что существование в одном государстве нескольких религий всегда создает опасность для внутреннего мира и порядка [там же]. По этому поводу он писал:

«Все войны плохи, но религиозные – худшие из всех <...> Огонь, который они зажигают, может угаснуть только после исчезновения горючей материи, а эта материя – все элементы и весь род человеческий» [там же: 263].

Любопытно отношение Казановы к казакам и к вопросу об их происхождении. Он признает древние корни казачества – от сарматов и скифов. Однако в его глазах казаки –

бандиты и разбойники, даже «варвары» [там же].

Проблематика международных отношений

Сразу отметим, что уровень, на котором Казанова анализирует проблематику международных отношений, войны и мира, несопоставим с теми яркими концепциями, что ему предшествовали. (Данная проблематика уже достаточно подробно разрабатывалась в европейской политико-правовой мысли, начиная с эпохи Средневековья.) Но то, что человек, который в массовом сознании ассоциируется с легкомыслием, с некоторым цинизмом, присоединился к гуманистической традиции, весьма интересно.

С какой бы стороны Казанова ни подступал к вопросам международных отношений, он всегда и прежде всего был горячим сторонником соблюдения международных договорных обязательств. Коварство, несоблюдение норм международного права, обман, вообще любые попытки выйти за правовые рамки во внешней политике всегда находили его осуждение. Такие работы, как «Историко-критическое послание об известном событии, произошедшем от одного малоизвестного обстоятельства», «Систематическое изложение разногласий между двумя Республиками, Венецианской и Голландской» и «Приложение» к нему пронизаны идеями честного соблюдения государствами внеш-

неторговых обязательств, недопустимости влияния частного капитала на международную политику государства.

Как уже можно было понять из отношения Казановы к экспансионистской политике русской императрицы, он вообще был врагом всякого экспансионизма. Тем более он не симпатизировал идеологии мирового господства, даже если с ней связаны возвышенные мифологемы и героические легенды. Казанова, например, сомневался в том, что грандиозная цель завоевания всего мира, которую поставил перед собой Цезарь, стоила пролития крови его собственных сограждан [там же].

Казанова уважал профессию военного, героическую, вне всякого сомнения. Долгом человека в мундире он считал службу отечеству и уничтожение врагов, но при этом он был принципиально против жестокости и не считал шпагу лучшим инструментом для разрешения разногласий, абсолютно предпочитая мирные пути [там же].

Не зря у Казановы одна из черт Протокосма в «Икозамероне» – почти полная гармония в межгосударственных отношениях и редкость войн. И не зря в том же романе воинственный британский лорд, который, едва услышав о подземном мире, тотчас начал строить планы по его захвату, изображен Казановой карикатурно, а его соображения в прах разбиваются речью пацифиста Эдуарда. Самым агрессивным государством

в романе предстает глупо организованная республика. Именно с этим государством пришлось сражаться положительным персонажам романа. Причем Эдуард со свойственным ему гуманизмом, несмотря на то, что размеры его армии и качество ее вооружения могли бы обеспечить быструю победу, всячески оттягивает начало военных действий, а после стремится избежать массового кровопролития. Заключенный же мир, вследствие явного преимущества правых сил, компромиссен. Эдуард не пожелал быть ни оккупантом, ни карателем.

Для Казановы война – несомненное зло. Он совершенно чужд «священного» пафоса религиозных или тем более революционных войн. Французская революция ужаснула его не только обилием кошмаров во внутренней политике, но и военными потрясениями, которые она вызвала по всей Европе. Впрочем, нельзя не заметить и того, что антивоенный пафос Казановы был поверхностным и отвлеченным. Казанова – человек, не знавший, по существу, ужасов войны. Ему не приходилось быть свидетелем кровавых сражений, разрушений городов, страданий тысяч людей.

Казанова и этическая проблематика

Сама постановка вопроса: Казанова и проблематика нравственности, может вызвать у читателя когнитивный диссонанс. Вроде бы само имя нашего героя ассоцииру-

ется в массовом сознании с крайней безнравственностью, безответственностью и порочностью. Но, напомним, что в этом исследовании мы рассматриваем в большей степени творчество, нежели личность. Несомненно, Казанова – аморалист на практике. Но при этом со всей ответственностью скажем, что ошибаются те, кто считает полностью аморалистичным и его творчество.

Классическим примером исследователя, настаивающего на подобном подходе, был Стефан Цвейг, который в блестящем эссе о Казанове писал:

«Для этого мирового путешественника нет материка. У него нет родины, он не подчиняется никаким законам страны, будучи пиратом и флибустьером своей страсти; как эти последние, он пренебрегает обычаями общества и социальными договорами - неписаными законами европейской нравственности; все, что свято для других людей или кажется им важным, не имеет для него цены. <...> Любовь к отечеству? Он, этот гражданин мира, семьдесят три года не имеющий собственной постели и живущий лишь случаем, пренебрегает патриотизмом. *Ubi bene, ibi patria*, где полнее можно набить карманы и легче заполучить женщин в постель, где удобнее всего водить за нос дураков, где жизнь сочнее, там он удовлетворенно вытягивает под столом ноги и чувствует себя дома. Уважение к религии? Он признал бы всякую, был бы готов подвергнуться обрезанию или отрастить, подобно китайцу, косу, если бы новое вероисповедание при-

несло ему хоть каплю выгоды, а в душе он так же пренебрег бы им, как пренебрегал своею христианско-католической религией; ибо зачем нужна религия тому, кто верит не в будущую, а только в горячую, бурную, земную жизнь? “Там, вероятно, нет ничего, или же ты узнаешь об этом в свое время”, – объясняет он совершенно незаинтересованно и беспечно: значит, в клочья всю метафизическую паутину» [Цвейг: 411–412].

Оценка великого Цвейга не всегда точна. У Казановы, вне всякого сомнения, есть Родина – Венеция. То беглец, то изгнанник, он всегда стремился вернуться в любимый город. Он, несомненно, в благоприятную минуту предпочел бы вернуться туда навсегда и там встретить смерть, если бы старческая дряхлость не помешала ему покинуть Богемию. Венеция, «неблагодарная, но любимая родина» [Mémoires: 348], – главная тема его исторических трактатов, за исключением «Истории польской смуты».

Казанова не уважает религию? Для того, кто прочел «Икозамерон», представляется очень сомнительным пренебрежение Казановы религией. Конечно, положительные герои романа устанавливают в Протокосме культ, отличный от канонического христианства, но они глубоко верующие люди, бесконечно благодарные Богу за сохранение их жизни и дарованное благополучие. Да и сам Казанова всегда считал нужным поблагодарить Творца за благодеяния. Так, осуществив

благополучный побег из тюрьмы Пьомби, Казанова устремляется на мессу в церковь:

«Я увидел маленькую церковь... и множество народа, идущего на мессу. Мне пришло в голову пойти тоже; мое сердце ощущало потребность выразить благодарность за явную защиту, что я получил от Провидения; и поскольку вся моя натура мне казалась храмом, достойным Создателя, привычка привлекла меня к церкви. Все, что приходит на ум человеку, пребывающему в печали, представляется ему божественным наитием» [Mémoires: 352].

Была в его жизни ощутимая разница между мыслью и действием. Да, авантюрист Казанова, возможно, при необходимости подвергся бы обрезанию, но многие страницы «Икозамерона» пронизаны духом интуитивно свободного христианства. Даже в своей скандальной «Истории моей жизни» Казанова не только не забывает благодарить Бога за успешное разрешение критических ситуаций, но и уже в самом начале мемуаров он считает необходимым отречься от философии стоицизма как от языческой и не соответствующей его жизненным ценностям и заявить о своей вере:

«Я не только монотеист, но христианин, укрепленный ничем не искажившей философией. Я верю в существование нематериального Бога, создателя и повелителя всяческих форм, и что мне доказывает, что я никогда не сомневался, так это то,

что я всегда верил в его провидение, прибегая к молитве к нему в печалих, и всегда я был им спасаем» [там же: 1].

На страницах работ Казановы осуждаются и убийство, и воровство, и прелюбодеяние. Понимая, что история Эдуарда и Элизабет, брата и сестры, вступивших в подземном мире в кровосмесительный брак, может шокировать читателя, он, как бы извиняясь, много страниц посвящает вопросу кровосмешения. Ведь никуда не денешься от вопроса о кровосмешении детей и внуков Адама. Запрещено ли кровосмешение? Несомненно, но лишь с того момента, как человечество смогло без него обойтись и затем осознать его дальнейшую опасность. Эдуард и Элизабет не знают альтернативы кровосмешению, так как не ведают, сколько им придется провести времени в чужом подземном мире. Это необходимое и, как следствие, оправданное зло. Но оно дозволено ровно до того момента, как потомство их становится настолько многочисленным, чтобы можно было предписать браки между кузинами и кузенами и запретить их между родными братьями и сестрами. Получается, что запрет на кровосмешение есть результат «плодотворного» во всех смыслах этого слова предыдущего этапа, на котором первейшей задачей было «плодиться и размножаться» без моральных ограничений.

Нельзя согласиться и с другим высказыва-

нием Цвейга: «Равнодушный ко всем людям, равнодушный к проблемам, которые ставит человечеству каждый новый день, живет Казанова свои семьдесят три года: его ничто не интересует, кроме его собственных личных наслаждений» [Цвейг: 414]. Здесь абсолютная правда относительно сконцентрированности на личных наслаждениях. Но равнодушие к проблемам человечества – ошибка Цвейга. Казанову они интересуют – и прогресс, и войны, и революции, и экономика. Само обилие трудов по социальной проблематике свидетельствует об этом. Писатель, не интересующийся абсолютно ничем, кроме себя, не обращается к социальным вопросам, не посвящает им сотен страниц. Другое дело, что Казанова сам для себя – единственная призма, через которую эти проблемы преломляются. Но разве он единственный пример подобного в истории мировой мысли?

В этом смысле Цвейг совершенно верно формулирует основной принцип философии Казановы: «Надо быть философом для себя, а не для человечества» [Цвейг: 415]. Если бы этот принцип распространялся на человека, просто живущего, но не пишущего, в нем бы проявилась ограниченная крайность. А поскольку Казанова пишет, причем не «для себя», не «в стол», а по возможности публикуется и ищет широкой аудитории, диалектически получается так, что, философствуя, главным образом, для себя, он одновременно делает это и для человечества.

Для оценки нравственных воззрений Казановы необходимо брать в расчет не только скандальную «Историю моей жизни», а все написанное им. Хотя и в этой книге многое не имеет равным счетом никакого отношения к исповеди распутника. Есть другие темы и сюжеты, которые читатели зачастую предпочитают не замечать. Кроме того, издатели, ориентирующиеся на поверхностного читателя, печатают «Историю моей жизни» в максимально урезанном варианте, где любовно сохранено только самое безнравственное. Однако даже в этих скандально известных мемуарах есть моральный посыл. В «Предисловии» к «Истории моей жизни» Казанова говорит о своих сомнительных похождениях: «Это были безумства молодости; вы увидите, что я смеюсь над ними, и будьте так добры посмеяться вместе со мной» [Mémoires: 5].

Нравственные воззрения Казановы, главным образом, представлены в «Икозамероне». Скажем больше: если бы на обложке «Икозамерона» не было указано имя автора, читатель мог бы подумать, что роман написал человек высокой морали и, пусть не ортодоксально, но искренне верующий. Здесь – поэзия честного труда. Эдуард и Элизабет становятся обладателями несметных богатств, но все это изобилие заработано непрерывным трудом, заслужено абсолютной порядочностью в сфере предпринимательства. Здесь же – поэзия искренней дружбы. Герои романа

не только муж и жена, но и самые преданные, самые настоящие друзья. Трогательна и история дружбы пары англичан с местным королем, дружбы, продлившейся до самой смерти короля. Через весь роман красной нитью проходит тема родительской любви и надлежащего попечения о детях. И это не случайность. В научных сочинениях Казанова неоднократно обращался к теоретическим и практическим проблемам педагогики. Наконец, перед нами в «Икозамероне» предстает трогательная и возвышенная поэзия любви до гроба. «Нераздельные» – одна из центральных этических линий романа, проведенная с искренней теплотой и лиризмом. Прожив в мире, где супруги нераздельны, живут в глубокой взаимной любви и умирают в один день, Эдуард и Элизабет в конце концов тоже становятся «нераздельными». Стоит обратить внимание, что уже в первой книге романа, где автор, забегая вперед, рассказывает об их окончательной судьбе, выясняется, что герои тоже проживут долго и умрут в один день. Их несметные богатства, их вотчины, предприятия, театры и многочисленное потомство – все это навечно останется в подземном мире Протокосма. Единственное сокровище, что они сохранят из даров судьбы, доставшихся им в Протокосме, как раз «Нераздельность».

Наиболее концентрированно нравственные воззрения Казановы представлены в четвертом томе «Икозамерона» в виде краткого

катехизиса, который предпослал Эдуард своим детям и внукам [Casanova 1788: 200–203]. Его положения сводятся к следующему. Следует почитать только Бога. Не рассуждать о нем всуе, поскольку он превыше всех истин человеческих. Не пытаться понять божественную природу, ибо она непостижима для человеческого разума. Любить ближнего, как самого себя. Ближним следует считать любое разумное существо, поскольку всякий обладающий разумом, несомненно, обладает и бессмертной душой. Тут, кстати, неожиданно проявляется некоторая близость позиции Казановы к позиции Иммануила Канта, который целью нравственного закона считал человека, именно вследствие того, что человек есть разумное существо. Не обманывать, не красть, не задерживать жалования, не заставлять ближнего краснеть (то есть не манипулировать чувством стыда), делать врагам добро без гордыни, прощая им зло. Если враги упорствуют, молить Бога об их исправлении и стеречься, дабы не стать их жертвой, ибо легкомыслие есть соучастие в преступлении врага. Здесь есть некоторое сходство с философией Христиана Вольфа, который полагал, что следует любить врагов, но не следует легкомысленно позволять им чинить нам обиды. Следует уважать отца и вообще всех, кто старше тебя. Соблюдать законы страны, в которой находишься, особенно там, где тебе было оказано гостеприимство (это пишет Казанова, кото-

рого Цвейг обвинял в принципиальном несоблюдении законов страны пребывания). Казанова слишком часто менял места пребывания, чтобы не понимать, как много для нас может означать гостеприимство. Надлежит также быть экономным, но не быть жадным. Творить благодеяния, не боясь неблагодарности. Следует защищать свою жизнь, права и честь всеми возможными способами, но не проявляя при этом гнева. Защищать беззащитных, быть прибежищем преследуемых и несчастных. Надлежит быть в союзе только с законной супругой. Супруги – в равной степени хозяева тел друг друга. Любовь и дружба супругов должны быть взаимными. Муж, если это важно, должен хранить тайны от жены (видимо, имеется в виду сохранение коммерческой, государственной или иной важной тайны), но не жена от мужа. Беседы супругов неизменно должны быть нежными. Нежность нужно прививать и детям. Жена должна признавать, что муж – высшее существо в сравнении с ней. Как видим, Казанова и здесь остается, несмотря на реальные обстоятельства его жизни, теоретическим поборником семьи как важнейшей социальной ценности. Следует избегать переедания. Можно позволять себе любые удовольствия, кроме незаконных, а также тех, которые способны повредить здоровью или разуму. Следует подавлять в себе преступные желания. Красноречием нужно пользоваться для убеждения, а не для изобличения. «Убежде-

ние входит мягко, как винт по спирали, изобличение же – что гвоздь, вбиваемый в стену молотком» [Casanova 1788: 302]. В тех случаях, когда правда может кому-либо навредить, не следует ее говорить. Не следует проявлять любопытства к чужим делам и отвечать на вопросы любопытных. Следует вообще избегать общества тех, кто склонен задавать много вопросов. Следует крестить детей, чтобы угодить Богу. Нельзя пренебрегать их воспитанием, ибо только так можно сделать их счастливыми. Никому из детей нельзя оказывать предпочтения, дабы не возбуждать ревности. Следует побуждать детей соревноваться, позволять им невинные удовольствия, воспитывать их в отвращении ко лжи, трусости и нечистоплотности. Недопустимо подслушивать исповедь ближнего, ибо достаточно, чтобы ее слышал один только Бог. Перед сном следует обратиться с молитвой к Богу, в которой выражается его почитание и полное повиновение его воле.

Не менее любопытен и «нравственный автопортрет», который Казанова послал в одном из писем своему приятелю времен пребывания в замке Дукс господину Фолкирхеру:

«Я никогда не был пьяницей. Меня никогда не видели в обществе недостойных людей, никогда не трапезничал с ними <...> Я никогда не отказывался биться на доброй дуэли с тем, у кого мог быть какой-либо резон потребовать от меня сатисфакции

<...> Я никогда в жизни не прощал оскорбления, сознательно нанесенного мне каким-нибудь плутом, пока не видел его у моих ног. Я никогда никого не оклеветал. Я никогда не верил клеветническим пасквилям. Я никогда не пренебрегал уважением к старости; не забывал и о том, чем обязан просвещенный человек человеку, который, не будучи дворянином по рождению, сделался таковым изучением наук и литературы. Прелюбодеяние, нарушающее верность, никогда не было моим обыкновением <...> Я никогда не позволял, чтобы мой сотрапезник, вставая из-за стола, целовал мне руку. Меня никогда нельзя было принудить пойти в кабаки, в дурную компанию, дабы отвлечь меня от скуки; литература всегда уберегала меня от этой болезни. Я никогда не выламывал двери и не взламывал замки в местах, где я не был хозяином, чтобы порадовать воров и поставить под сомнение порядочность кого-либо, чьей чести такой взлом мог бы нанести ущерб. Я никогда не приказывал убить беззащитного старика. Я никогда не перехватывал писем. Я никогда не утруждал свой разум тем, чтобы искать способы огорчить своего ближнего» [Mémoires: 503–504].

Политические взгляды Казановы

Начнем с отношения Казановы к, несомненно, главному политическому событию его времени – Великой французской революции. Надо сказать, не только революционные, но и прочие политические события своего времени Казанова оценивал без особого энтузиазма. Не зря уже на первых страницах

«Опровержения “Истории Венецианского государства” д’Амело де ла Уссе» он сетовал: «Несмотря на все, что мы знаем об истории, и все писания законодателей, политика, такая, как она есть, далека от совершенства» [Casanova 1769]. Все дело в недостатке подлинно благородных деятелей и исследователей, а между тем, пишет Казанова:

«Государю, государственному мужу, историку <...> невозможно действовать <...>, если страсти, коим он подвергнут, не суть наиболее благородной природы и большей силы, чем те, что составляют обыденную добродетель. Так легко достигнуть переходящей славы <...>, но для славы длительной нужны истинная любовь к Отечеству, нечеловеческая добродетель, предпочтение общественного блага собственному – божественные качества» [там же].

Если политика несовершенна, если подлинно благородных ее деятелей недостает в странах, где царит политическая стабильность, то, что уж говорить о стране, потрясенной революционными событиями, где была физически уничтожена значительная часть «благородного» и образованного населения, где волны кровавого шторма высоко вознесли не только идеалистов, мечтающих о свободе, равенстве и братстве, но и всякого рода проходимцев, политических авантюристов и жестоких властолюбцев! С наибольшей четкостью и полнотой отношение Казановы к революциям вообще и к французской

революции в частности выражено в его полемике с доктором права Геттингенгского университета Леонардом Снетлаге.

Полемическая работа Казановы появляется в 1797 г. Она озаглавлена: «Леонарду Снетлаге, доктору права Геттингенгского университета, Жак Казанова, доктор права Падуанского университета». Можно совершенно объективно сказать, что по литературным достоинствам труд Казановы значительно превосходит мишень своей критики. Тут больше рассудительности и нет крикливости и пафоса, которые отличают стиль Снетлаге. Заметим и то, что эта книга стала последним опубликованным трудом Казановы, которому оставался всего год жизни.

Неизбежность революции давно была для Казановы очевидной. Еще в «Истории моей жизни» он писал:

«Угнетенный народ ни во что не ставился. Государство было в долгах, и финансы пришли в неизбежно скверное состояние. Революция была необходимой, я полагаю; но она не должна была быть кровавой, ей надо было быть нравственной и патриотичной; но дворянство и духовенство не были столь щедры, чтобы принести жертвы, необходимые королю и самому государству» [Mémoires: 455].

В послании доктору Снетлаге Казанова начинает свои рассуждения с весьма значительного предсказания: после революции

Франция непременно вернется к тому, что было до нее [Casanova 1797]. Заметим, что это пророчество блестяще сбылось. Всего через шесть лет после выхода в свет книги Казановы, в 1804 г., консул Республики Наполеон Бонапарт объявит себя императором. А в 1814 г. на престол вернутся Бурбоны.

В «Истории моей жизни» мы встречаемся со схожим пророчеством: «Что будет с Францией? Не берусь сказать, но я знаю, что продолжительность существования обезглавленного тела эфемерна, ибо именно голова – вместилище разума» [Mémoires: 9].

Следует при этом понимать, что предсказание Казановы – вовсе не манифест монархизма. Казанова понимает, что реставрация монархии приведет не только к положительным, но и к отрицательным последствиям. По этому поводу он пишет:

«Я предвижу возвращение монархии и собственных ей добродетелей; но я также с горечью в душе предвижу возрождение злоупотреблений, неравенства в судьбах и правах. Равенство между людьми, что физическое, что моральное, было всегда лишь химерическим мечтанием дерзкой философии, которая, вместо того чтобы смотреть на вещи, как они есть, забавляется рассмотрением их такими, как ей хотелось бы, чтобы они были. Нет ничего несправедливей равенства. Этот парадокс стал аксиомой, как и современный: ничто не освобождает народа, обреченного на погибель» [Casanova 1797: 9].

Политическая ориентация Казановы, таким образом, двойственна. Как выходец из третьего сословия, он, конечно, не мог быть ярким монархистом. Не зря монархия ассоциируется у него со «злоупотреблениями, неравенством в судьбах и правах». Другими словами, он понимает справедливость революционного движения. Но этот выходец из низов смог вращаться слишком близко к верхам; он выдумал себе аристократическое происхождение и старался всеми способами обеспечить себя материально настолько, чтобы жить подобно аристократу. Поэтому беспощадная к «бывшим» Республика не могла его не напугать. Невозможность вернуться в ту Францию, какой она стала после Революции, была для него очевидной. «Никогда более не видеть мне ни Парижа, ни Франции: слишком страшат меня казни, вершимые необузданным народом», – читаем мы в «Истории моей жизни» [Казанова: 138].

Как представляется, Казанова выступал за власть, которая была бы прежде всего безопасна для него лично; он не монархист и не республиканец, и, будь Республика более умеренной, позволь она ему по-прежнему сравнительно безопасно существовать во Франции, он бы, конечно, гораздо больше ей симпатизировал. Не зря в «Икозамероне» равноправно существуют и монархии, и республики.

Однако страх, порожденный опытом Французской Республики, заставляет Ка-

занову предпочесть монархическую форму правления. Необходимо уточнить, что подразумевается никак не монархия Бурбонов, вовсе не думавшая о простом народе, а такая, которой будут свойственны черты, если употребить современный термин, монархии «социальной». Недаром в «Истории польской смуты» Казанова подчеркивал, что разница между отношениями «деспот – раб» и «государь – подданный» состоит в том, что во втором случае правящий связан обязанностями в отношении управляемых [Casanova 1774–1775]. В том же труде он критикует позицию Гоббса с его теорией неограниченного объема власти суверена [там же].

Одновременно Казанова осознает, что народ, хотя он и вправе требовать большей степени свободы, чем он ощущает при деспотическом правлении, прежде всего обязан осознавать само существование политической свободы. Без этого возможные социальные изменения будут носить разрушительный характер, что, по его мнению, как раз и произошло в революционной Франции.

«Народ, абсолютно неспособный понять, в чем состоит истинная свобода, будет злоупотреблять ею всюду, где она будет ему предоставлена. Он станет видеть ее лишь в анархии. Мудрое правительство заставит его верить, что его естественное состояние – быть подвластным дворянству, а последнее в том – что оно создано защищать народ, и тем творить ему счастье» [Casanova 1797: 9–10].

Таким образом, идеал политики у Казановы прост и классичен: мудрое правительство дает народу хлеб и зрелища. Однако в условиях французской абсолютной монархии зрелища были достоянием исключительно правящего сословия. А что до хлеба... Как не вспомнить знаменитый анекдот о том, как несчастная королева Мария-Антуанетта, узнав, что народу не достает хлеба, дала восхитительный в своей наивности совет: накормить народ булочками!

Казанова успех переворота видит также в обмане народа вождями революции. В обмане, последствия разоблачения которого будут катастрофическими для Республики и приведут к реставрации монархии.

«Говорят, народ желает быть обманутым; и если верно, что он в этом нуждается, то он любит своих обманщиков; но дело закончится тем, что он их растерзает, когда узнает, как следует. Вы теперь видите во Франции половину этого политического феномена; время, когда вы увидите другую, еще не настало.

Французский народ должен обожать тех, кто, называя его сувереном, позволяют ему безнаказанно совершать разного рода преступления. Без анархии они бы никогда не смогли убедить его в том, что он воистину суверен. <...> Этот народ стал обожателем родины, при том, что до революции он не знал, ни что такое «родина», ни даже самого этого слова» [там же: 10].

Об истинных аристократах Казанова говорил:

«Отмена монархии была их мудрым деянием; этому обязан своей славой Конвент, всего лишь порученцем которого был inferнальный Робеспьер... Конвент должен был, в конце концов, возненавидеть отвратительного идиота, ибо должен был бояться силы... Он погиб, потому что пролил слишком много крови своих собратьев... Его героем был Кромвель, которому он, правда, подражал лишь в жестокости» [там же: 37–39].

Если есть что-то общее в позициях Снетлаге и Казановы, так это разграничение двух этапов революции. Как и Снетлаге, наш герой больше симпатизирует первому, дюжобинскому этапу. Хотя Казанова придерживается иной хронологии. Для него первый этап начинается не с республиканской активности, а с самоограничительных актов короля.

Следует заметить, что, сочувствуя казненному королю, Казанова, тем не менее, не снимал с него ответственности за происшедшее во Франции. Оценки, которые он дает в «Истории моей жизни», гораздо более резки.

«Каждый свергнутый король должен быть глупцом, а каждый глупый король должен быть свергнут; ибо нет такой нации, имеющей короля, которая не имела бы его только вследствие применения силы <...> Людовик XVI погиб вследствие

своей глупости. Если бы у него был разум и мудрая осторожность, необходимые королю духовного народа, он все еще был бы на троне и уберег бы французскую нацию от ужасов, в которые ее погрузили ярость банды выроdkов, малодушие и извращенность аристократов, жадность деспотичного клира, фанатичного и слишком могущественного» [Mémoires: 378–379].

Не меньшей казалась ему и вина аристократов.

«Некоторым может быть жалко французских эмигрантов, всегда способных разжалобить; что до меня, я заявляю, что они не вызывают у меня ничего, кроме презрения; ибо я нахожу, что, сплотившись вокруг трона, они могли бы силе противопоставить силу, как-нибудь погасить запалы, не дав им времени уничтожить нацию; наконец, я говорю, что их долг, интерес и честь предписывали им спасти своего короля, или же быть погребенными с ним под обломками трона. Вместо этого они устроили своей гордыне и своему позору заграничную прогулку без пользы для себя и к ущербу для тех, кому их приходится кормить» [там же: 379].

Отрицая историческую неизбежность революции, Казанова постоянно высказывает сомнение относительно ее грядущих результатов и ценностей. Сомневается он и в идеологии революционеров. Как известно, главным лозунгом революции был «Свобода, Равенство, Братство». Ничего не говоря о сво-

боде и братстве, Казанова сомневается в том, что результатом революции было установление равенства среди французских граждан. Ранее уже говорилось, что, по мнению Казановы, «равенство» состоит из миллиона неравенств. Тема эта была для Казановы важной. Не зря он рассуждал о ней в трактате «Разговор мыслителя с самим собой» (1786). Там он говорил о несомненности природного физического равенства людей, фактически солидаризируясь с позицией Томаса Гоббса. Но такой же несомненный факт для Казановы – присутствие морального неравенства в человеческом обществе [Casanova 1998].

Осуждение революционного террора присутствует почти на каждой странице книги Казановы. Но особого пафоса, смешанного с иронией, оно достигает в статье «Гильотина»:

«Смеяться и смешить – это конек французов. Но знак ли это добродушия, или ужасной жестокости духа, возвеселяющегося всем, что заставляет трепетать человечество? Гильотина – это, впрочем, памятник, который, честно говоря, будет свидетельствовать потомкам о мягкости правительства, которым она была воздвигнута. Фаларис, агригентский тиран, и Перилл, изобретатель бронзового быка, осужденные сгореть в нем заживо, справедливо повеселили своими муками граждан. Но что скажут о душе французского народа в наши дни, когда узнают, что он с удовольствием смотрел и шутил, когда мастер Гильо был осужден погибнуть под

топором той самой машины, которую он изобрел, дабы, насколько это возможно, уберечь жертв закона от смертных мук? О, счастливая и возвышенная нация, стоящая выше любых предубеждений, с которой никто не сравнится в искусстве ужасать! Она, смеясь, выкапывает мертвецов, пожирает человеческую плоть, находя это изысканным. Она дала слишком доброму королю Людовику XVI прозвище “укороченный” с той же легкостью, как прозвала его предшественника “возлюбленным”. Некий мудрец претендовал на то, чтобы доказать, что, говоря “нация”, мы непременно подразумеваем “народ”. Это утверждение ложно, если речь идет о французской нации. Говорят, что все, что она сделала после Карла VII, сделало народ единым; но это, с точки зрения демократического правительства во Франции, должно бы смешить мыслителей. Не знаю, так ли это, но это вероятно» [Casanova 1797: 42–43].

Следует при этом учитывать, что Казанова не был принципиальным противником смертной казни. Более того, он полагал, что в ряде случаев она более гуманна, чем прочие виды наказания. Так, в «Истории моей жизни», вспоминая свое заточение в тюрьме Пьемби, он пишет:

«Все суверенные судьи на земле всегда полагали, будто оказывают великую милость некоторым преступникам, оставляя их жить, в то время как их деяния заслуживают смерти; но часто в замену моментального страдания они получают более

ужасную ситуацию, зачастую такую, когда каждый миг этого непрекращающегося страдания хуже смерти. С религиозной и философской точек зрения, замена наказания не может рассматриваться как милость, кроме тех случаев, когда несчастный, который ей подвергается, сам рассматривает ее, как таковую; но с преступником советуется редко, и так называемая милость становится истинной несправедливостью» [Mémoires: 255].

Сомнения у Казановы вызывает юридическая обоснованность революции, как и ценность конституции. Будет правильным считать, что наш герой скептически относился не только к революционной конституции Французской Республики, но и к самому принципу конституционализма. Во всяком случае, фрагмент, который мы далее приведем, устраняет любые сомнения по этому поводу:

«Соблюдали ли Генеральные Штаты границы тех полномочий, которые вручила им нация, или они их нарушили? Были ли правовыми и честными те средства, которыми они воспользовались, чтобы вызвать волнение в народе, или же они были незаконными, недостойными и обманными? Нация ли подняла оружие против короля, своего повелителя, или обманутое третье сословие? Когда они восстали, за родину ли они подняли свое оружие или против нее? Добродетель ли возжелала возрождения Франции, или преступление потрясло государство под предлогом его освобождения от

тирании? Было ли целью зачинщиков ужасного бунта сделать народ счастливым, или же оплатить свои карьеры его кровью, не стесняясь в средствах делая его исполнителем своей воли, даже ценой открытого насилия? Если самая значительная часть нации – простой народ, то почему они сочли необходимым уничтожить лучшую часть, и что – это уничтожение необходимо для счастья народа? Можно ли было предвидеть, что народ, главная и наиважнейшая часть нации, дойдет до того, что признает себя счастливым хозяином Франции, в то время как его предпочитали видеть подданным, управляемым по усмотрению некоторого числа тех, кто предпочел тяжкий груз власти милому покою, которым должны были наслаждаться позволившие управлять собой <...> Счастье всей нации зависит от правления, а хорошее правление основывается на хорошей конституции, которая должна быть ненарушимой. Представляется, что, дабы основать совершенное правление, нужно, чтобы ему предшествовала совершенная конституция. Но это не так. Если конституция питает государство, те, кто дарует ее до рождения государства, безрассудны. Невозможно знать, какая пища понадобится существу, которого еще нет и природа которого неизвестна. А если абсурдно предусматривать режим питания существу, которое надлежит оберегать, не зная его темперамента, то как можно дать государству наиболее подходящую для него конституцию? Решение проблемы очень просто. Не надо давать никакой конституции, ибо единственная хорошая конституция, которая ему подойдет, будет та, которую он сам породит. Если будет угодно, некоторым

первоначальным законам можно дать наименование конституции. Их можно создать за день, но то, что называется конституцией в собственном смысле слова, которая охватит широкий круг деталей, созреет не менее чем за век; возможно, в ней будет несколько сотен статей, поначалу же – десять-двенадцать, которые будут краеугольным камнем, первым основанием общества. Немного запретительных законов. Сила в руках исполнительной власти, и применение неумолимой силы в отношении нарушителей основных законов. Два великих Гения должны воссесть над этими простейшими законами на престол, недосыгаемый для невежд. Эти два Гения денно и нощно будут руководить и заботиться о сохранении государства. Имена им – Религия и Спокойствие. Без поддержки этих Двух, мой дорогой коллега, не может быть хорошо управляемого государства. Его существование станет эфемерным. Вот две великие ошибки, допущенные глубокомысленными основателями французской республики. Они насмеяются над любой идеей религии, отвергая Бога; и им следовало бы обуздывать всех врагов государства, не делая исключения для свободы прессы. Удивительно, как все эти великие люди, что демонстрируют все необходимое для решения самых сложных задач величие души, могли столь согласно допустить две громадные ошибки, каждой из которых довольно для обрушения всей их постройки. И это обрушение неизбежно» [Casanova 1797: 89–92].

Любопытен скептицизм Казановы в отношении возможности дать конституцию госу-

дарству в расчете на будущее состояние дел. По существу, Казанова предвосхищает здесь некоторые элементы концепции знаменитого политического мыслителя Алексиса де Токвиля, который предлагал различать «фактическую конституцию» и «писаную конституцию», причем полагал, что несоответствие писаной конституции фактической предопределяет ее «фиктивность».

Видимо, опасаясь, что читатели увидят в его критике революции позицию ретрограда, панически боящегося всего нового, Казанова в завершение своих рассуждений говорит, что французские события плохи не потому, что они принесли что-то новое, а потому, что плохи по определению, по их существу.

Некоторые детали политических идей Казановы изложены в его «Истории польской смуты», главным образом – в первом ее томе. Мы уже упоминали о том, что в этой работе содержится критика деспотизма. Солидаризируясь со Святым Августином, он трактует тираническую власть как результат дьявольских козней [Casanova 1774–1775]. С не меньшим сомнением Казанова относится к идее теократического государства [Там же]. В «Икозамероне» Солнечный Гений, носитель теократического начала, предстает перед читателем скорее как отрицательный персонаж, чем как положительный. Умеренная теократия, возможно, и представляется разумной разновидностью правления. Одна-

ко теократия редко стремится к тому, чтобы воистину быть умеренной. Благое дело – почитание истинного единого Бога. Но, когда истинно верующие получают власть, подлинной опасностью становится фанатизм. В качестве примера Казанова приводит «жестокое Магомета» [там же].

Следует, впрочем, иметь в виду, что «История польской смуты» писалась в ожидании разрешения республиканских властей Венеции на реабилитацию Казановы. Поэтому работу отличает пафос свободолюбия и тираноборчества. Казанова настаивает на том, что человек не может быть счастлив без свободы. При этом подлинная свобода немыслима без благоразумных законов [там же].

Политическое творчество Казановы не вызвало резонанса. Для этого было довольно причин. Прежде всего, несмотря на всю самостоятельность мыслей Казановы, в них не было той абсолютной оригинальности, той принципиальной свежей новизны, которая только и способна привлечь внимание читателя. Что немаловажно, несмотря на большой объем написанного, на своеобразие многих формулировок и точность оценок, Казанова не создал ни одной целостной концепции – ни политической, ни правовой, ни нравственной. Мы имеем дело с разрозненными высказываниями, не складывающимися в систему. В век, когда кумиры читающей публики предпочитали создавать именно концепции или, по крайней мере, излагать

свои социальные взгляды систематизированно, результаты творчества Казановы, разумеется, были обречены на провал. Ни своей школы, ни когорты почитателей и последователей он после себя не оставил. Но он к этому и не стремился.

Наконец, понятно, что скандальная репутация героя-любownika уже при жизни затмила репутацию литератора. Она вызывала предвзятое отношение к сочинениям Казановы, нежелание воспринимать их всерьез. Свою роль сыграли и мемуары. Они затмили своим успехом все написанное им ранее. До сих пор в массовом сознании Казанова – автор одной книги, «Истории моей жизни».

Итак, если отвлечься от скандальной репутации Казановы, в своем творчестве он предстает как реалист и гуманист. Его политические взгляды не склоняются ни к монархизму, ни к республиканизму. По сути, для него важна не сама форма правления, а ее качество. Он осуждает политический террор и войну. В этике он – сторонник традиционных ценностей, призывающий уважать семью, долг, честь и достоинство. В истории – не собиратель фактов, а ученый, старающийся найти закономерность в их последовательности. В экономической науке – сторонник государственного протекционизма и производящей экономики.

Литература

Казанова, Д. История моей жизни: В 2 кн. Кн. 1 / Пер. И. Стаф, А. Строева. Вступ. ст., коммент. А. Строева. М.: ТЕРРА, 1997.

Цвейг, С. Три певца своей жизни // Собрание сочинений: В 10 т. Т.3: Нетерпение сердца: Роман. Три певца своей жизни: Казанова, Стендаль, Толстой / Пер. с нем. М.: ТЕРРА, 1996.

Casanova, G. (1769). *Confutazione della storia del governo Veneto d'Amelot de la Houssaie*. Amsterdam: Mortier.

Casanova, G. (1785). *Esposizione ragionata della contestazione che susiste tra'le due repubbliche di Venetia, e di Olanda*. Retrieved from: epub.ub.uni-muenchen.de/11114/1/8Hist.2673.pdf. 2010 (date of access: 23.05.2017).

Casanova, G. (1774–1775). *Istoria delle turbolenze della Polonia* (Vols. 1–3). Gorizia: Valerio de' Valerj.

Casanova, J. (1788). *Icosameron* (Vols. 1–5). Prague: Imprimerie de l'ecole normale.

Casanova, J. (1797). *A Leonard Snetlage*. (n.p.)

Casanova, J. (1998). *Soliloque d'un penseur*. Paris: Editions Alia.

Casanova, J. (1785). *Supplément à l'exposition raisonnée du différent, qui subsiste entre le deux Républiques de Venise, et d'Hollande*. Vienna (n.p.).

Mémoires de J. Casanova de Seingalt (1880) (Vols. 1-8). Paris: Garnier Freres.

References

Casanova, G. (1769). *Confutazione della storia del governo Veneto d'Amelot de la Houssaie*. Amsterdam: Mortier.

Casanova, G. (1785). *Esposizione ragionata della contestazione che susiste tra 'le due repubbliche di Venetia, e di Olanda*. Retrieved from: epub.ub.uni-muenchen.de/11114/1/8Hist.2673.pdf. 2010 (date of access: 23.05.2017).

Casanova, G. (1774–1775). *Istoria delle turbolenze della Polonia* (Vols. 1–3). Gorizia: Valerio de' Valerj.

Casanova, G. (1997). *Istoriya moyey zhizni* [History of my life] (I.Staf, A.Stroyev, Trans.) (Vol. 1). Moscow: TERRA.

Casanova, J. (1788). *Icosameron* (Vols. 1–5). Prague: Imprimerie de l'école normale.

Casanova, J. (1797). *A Leonard Snetlage*. (n.p.)

Casanova, J. (1998). *Soliloque d'un penseur*. Paris: Editions Alia.

Casanova, J. (1785). *Supplément à l'exposition raisonnée du différent, qui subsiste entre le deux Républiques de Venise, et d'Hollande*. Vienna (n.p.).

Mémoires de J. Casanova de Seingalt (1880) (Vols. 1-8). Paris: Garnier Freres.

Zweig, S. (1996). *Tri pevtsa svoey zhizni* [Adepts in self-portraiture]. In *Collected works* (Vol. 3). Moscow: TERRA.

THE FAMOUS CASANOVA WHO NEVER BECAME A FAMOUS SCHOLAR

Nikolay A. Kravtsov, L.L.D, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: nikikrvtsv@yandex.ru

Abstract. The article explores the scholarly work of a famous person of the Enlightenment age – Giacomo Casanova. Russian readers know him mostly as an adventurer and the author of his infamous memoirs. Other works by Casanova have not been translated into Russian or studied in Russia. Translations and reprints of his works are rare on the world scale as well. His contemporaries did not value his literary and scholarly works either. However, he himself treated his works seriously, as can be seen from their scope and number. This article aims at reducing the current information deficit by analysing Casanova's legal, political, historical, economic and ethic ideas. The article also explores possible factors that may have prevented Casanova's works from becoming widely known and appreciated.

Key words: Casanova, politics, law, revolution, morality, history, utopia, monarchy, republic.

